

«РЕШАЮЩИЙ РЕЦЕПТ»: ПРОЕКТ АВТОНОМИЗАЦИИ ШКОЛЬНОЙ СИСТЕМЫ В ПОЗДНЕСТАЛИНСКОМ СССР¹

М. Л. Майофис

Основная цель этой статьи — показать особое место средней школы в советской социальной и образовательной политике конца 1940-х гг., а также ввести в научный оборот малоизученный тип источников — стенограммы заседаний коллегий советских наркоматов и министерств. Эти источники помогают восстановить историю принятия решений и борьбы элит в советском административном аппарате.

Статья анализирует предпосылки и противоречия советской школьной политики в 1948–1949 гг., когда пост министра просвещения РСФСР занимал администратор и ученый-экономист А. А. Вознесенский, который предпринял необычную для сталинского времени попытку ограничить вмешательство политических и общественных организаций в жизнь школы. Пытаясь реализовать эту идею, Вознесенский, по-видимому, надеялся найти социальную опору в директорах школ, почувствовавших во время Великой отечественной войны большую самостоятельность, чем раньше. Одним из нормативных документов, который должен был положить начало новой тенденции в школьной политике, мыслилось «Постановление о перегрузках школьников общественной и иной внеучебной работой». Для обсуждения проекта этого Постановления в октябре 1948 г. было созвано отдельное заседание коллегии Министерства. Одним из интереснейших моментов этого заседания стало выступление директора 446-й московской школы Екатерины Чернышевой — оно представляло собой настоящее «публичное покаяние»: директор признавалась, что систематически нарушает уставы ВЛКСМ и пионерской организации, чтобы облегчить непосильную общественную нагрузку своих учениц. Это «покаяние» не повлекло за собой никаких последствий, так как именно такую модель поведения директора Вознесенский считал единственно приемлемой в сложившихся обстоятельствах.

В целом политику Вознесенского можно интерпретировать как попытку автономизации школы среди других советских институций. Эта попытка оказалась заблокированной со стороны ВЛКСМ и партийных инстанций, но результаты ее обсуждения сохранились в протоколах коллегии Министерства просвещения РСФСР.

Автор опирается на ранее не публиковавшиеся архивные материалы и на новейшие исследования российских и иностранных историков, дающие новый контекст для истории советской школьной политики. Представленные в статье данные могут быть использованы в исследовательской деятельности и подготовке учебных курсов по истории образования.

¹ Статья написана в рамках работы над научно-исследовательским проектом Центра гуманитарных исследований РАНХиГС «Утопия и проект: развитие советской образовательной системы в 1960–1980-х годах в сравнительной перспективе».

Положение школы в последние годы войны и в первые годы по ее окончании можно без преувеличения назвать кризисным, хотя само слово «кризис» ни в печати, ни в документах Наркомата (с 1946 г. — Министерства) народного просвещения² не использовалось. Кризис выражался, с одной стороны, в проблемах экономического и демографического характера — нехватке учителей, учебных пособий и учебных помещений³, с другой — в резком падении авторитета школы как социального института и учителя как социального медиатора. Если в крупных городах речь шла преимущественно о систематическом непосещении занятий, невыполнении домашних заданий и серьезных нарушениях дисциплины на уроках, то в малых городах и на селе происходило настоящее бойкотирование школы: местным государственным и партийным чиновникам приходилось прилагать чрезвычайные усилия, чтобы заставить родителей отдавать порой уже весьма великовозрастных детей в первый класс; процент учеников, оставивших школы, был также весьма высок⁴.

Эта ситуация вызывала беспокойство у партийного и государственного руководства сразу по нескольким причинам: во-первых, она наносила сокрушительный удар по советской концепции всеобщего обязательного образования, во-вторых, ставила под сомнение дальнейшую работу высших учебных заведений и возможность подготовки квалифицированных кадров, необходимых для восстановления разрушенной войной экономики⁵, наконец, в-третьих, совокупно с другими обстоятельствами военных и послевоенных лет выводила из-под контроля государства (чаще всего — на улицы, вокзалы, в воровские притоны или просто в неконтролируемое частное пространство) сотни тысяч детей и подростков⁶.

Система образования в последние военные и первые послевоенные годы испытывала острый дефицит ресурсов — материальных, кадровых, интеллек-

² В этой статье речь пойдет о деятельности Наркомата, а затем Министерства народного просвещения РСФСР. Общесоюзного органа управления образованием в СССР до 1966 г. не существовало.

³ Энн Лившиц пишет о том, что образование не было приоритетной статьей бюджета до войны, а военные и послевоенные годы лишь усугубили эту ситуацию (см.: *Livshitz Ann. Pre-Revolutionary in Form, Soviet in Content? Wartime Educational Reforms and the Postwar Quest for Normality // History of Education. No. 4–5. July-September 2006. P. 553*). Она также отмечает, что в конце 1940-х гг. возникла довольно мощная волна низового недовольства медленным темпом восстановления школьных зданий — письма советских граждан и местных чиновников сохранились в ГАРФе (Государственный архив Российской Федерации) и РГАСПИ (Российский государственный архив социально-политической истории) (Op. cit.)

⁴ Докладная записка в Совет Министров РСФСР об успеваемости и второгодничестве в школах за 1950/1951 уч. г. // ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 72. Ед. хр. 283.

⁵ Об этом прямо заявляли руководители народного образования. См., например: *Потемкин В. П.* [нарком просвещения РСФСР] Об улучшении качества обучения и воспитания в школе (доклад на Всероссийском совещании по народному образованию (15–19 августа 1944 г.) // Советская педагогика. 1944. № 11/12.

⁶ См. об этом: *Fürst J.* Between Salvation and Liquidation: Homeless and Vagrant Children and the Reconstruction of Soviet Society // *The Slavonic and East European Review. Vol. 86. No. 2: The Relaunch of the Soviet Project, 1945–1964 (Apr. 2008).*

туальных, дисциплинарных и т. д. И поэтому от руководителей Министерства просвещения требовалось разрешить назревший кризис с минимальными затратами. Очевидно, что главные инструменты в такой ситуации могли быть либо идеологическими, либо управленческими.

Курировавший школьную политику на уровне Политбюро ЦК ВКП(б) А. А. Жданов и нарком просвещения в 1940–1946 гг. В. П. Потемкин, оба большие поклонники дореволюционной гимназической системы⁷, начали с жестких дисциплинарных мер: с 1943/1944 учебного года в крупных городах было введено раздельное обучение, т. е. мужские и женские школы, а затем — обязательные во всей стране «Правила для учащихся». Чуть позже, в начале 1944 г., по инициативе Потемкина от школ начали требовать не высоких показателей, а реальных знаний⁸ — вероятно, квалификация недавних выпускников, оказавшихся в 1941–1945 гг. на фронте и в тылу, выглядела явно недостаточной. Кампания по «борьбе с формализмом» в школьном преподавании продолжилась и по окончании войны, уже после смерти Потемкина (1946).

Следующий глава наркомата просвещения А. Г. Калашников (1893–1962) работал в этом ведомстве с 1919 г.; во время войны он был заместителем Потемкина и, по-видимому, брал на себя решение многих важных вопросов. В 1945 г. Калашников, проанализировав данные о состоянии школьного преподавания в РСФСР, в нескольких докладных записках в ЦК предложил программу масштабной школьной реформы⁹. Основной проблемой школы он назвал катастрофический недобор в вузы, проистекавший от уменьшавшегося с каждым годом количества учеников старшей школы — и вследствие нехватки рабочих рук на производстве во время войны, и вследствие тяжелого материального положения семей, которым требовались не нахлебники, а кормильцы (напомню, что обучение в старших классах с 1940 г. было платным). Калашников выдвигает многосоставный проект реформы, в который были включены отмена платы за обучение, введение стипендий для малообеспеченных учеников, уравнивание старшеклассников по нормам снабжения со студентами, — и одновременно кардинальный пересмотр учебных программ в сторону их сокращения и переход школ на одиннадцатилетний срок обучения.

Этот последний пункт был особенно важен: в условиях, когда ученики школ должны были выполнять множество обязанностей по дому (от повсеместного стояния в очередях, иногда и ночами, до уборки, готовки, занятий с младшими братьями-сестрами), недоедали и недосыпали, и тем не менее обязаны были сдавать переводные экзамены едва ли не по всем предметам, объемные, перегруженные программы средней и особенно старшей школы оказывались им не под

⁷ См. об этом: *Livshitz Ann. Op. cit.*

⁸ См., например: *Зумин П. В.* Об отмене в школе социалистического соревнования по вопросам учебной работы // Советская педагогика. 1944. № 7. С. 40–46.

⁹ Докладные записки Министра Просвещения РСФСР в ЦК ВКП(б) и Совет Министров РСФСР об укреплении и расширении среднего образования и введении одиннадцатилетнего срока обучения в средней школе // ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 70. Т. 1. Ч. 3. Ед. хр. 3241. Л. 12–23. В сокращенном виде эти предложения были изложены Калашниковым в его статье: *Калашников А. Г.*, министр просвещения. Средняя школа в новой пятилетке // Комсомольская правда. 1946. 8 мая. № 108. С. 3.

силу: только по курсу истории ученик 10 класса для подготовки к выпускному экзамену должен был прочитать более 12 000 страниц!

Однако ни этот, ни другие проекты школьной реформы не находили поддержки в ЦК и оставались на бумаге. Осенью 1947 г. Калашников предпринял другой шаг — он объявил главной проблемой школы не ее ослабшую связь с вузами, а второгодничество, статистика которого тогда действительно была впечатляющей: в некоторых регионах на второй год приходилось оставлять от 15 до 35% учеников! Калашников и солидарные с ним представители директорского корпуса предложили в этой ситуации усилить требования к подготовке и работе учителя, заставить учителей не только находить причины неуспеваемости их учеников, но и заблаговременно выявлять и ликвидировать даже зачатки неуспеваемости, а для этого осуществлять «индивидуальный подход» к каждому ученику. Деятельность учителей, не имеющих в своих классах второгодников и двоечников, было предписано считать примером для всеобщего подражания; их опыт руководители образования призывали собирать, изучать и пропагандировать¹⁰. Впрочем, первыми плодами новой кампании Калашников воспользоваться уже не успел — на его место на посту министра просвещения в феврале 1948 г. пришел А. А. Вознесенский (1898–1950) — старший брат могущественного председателя Госплана СССР и заместителя председателя Совета Министров СССР, до поры до времени сталинского любимца, Николая Вознесенского (1903–1950)¹¹.

2

Причины назначения Александра Вознесенского¹² на пост министра просвещения РСФСР не вполне очевидны. Можно было бы предположить, что здесь были задействованы обычные для той эпохи механизмы клановости¹³ и что это назначение было результатом лоббирования со стороны младшего брата, однако сохранившиеся воспоминания и документы свидетельствуют скорее

¹⁰ Подробнее о проектах А. Г. Калашникова 1945–1947 гг. и об их влиянии на педагогическую мысль, периодику и художественную литературу см. в моей статье: *Майофис М. Л.* Предвестия «оттепели» в советской школьной политике позднесталинского времени // *Острова утопии: послевоенная школа, педагогические эксперименты и образовательная политика* / И. Кукулин, М. Майофис, П. Сафронов, ред. М., 2014 (в печати).

¹¹ Об отношении Сталина к Николаю Вознесенскому см.: *Василевский А.* Дело всей жизни. М., 1975. С. 538; *Симонов К.* Глазами человека моего поколения: Размышления о И. В. Сталине. М., 1989. С. 158–159; *Вознесенский Л. А.* Истины ради. М., 2004. С. 100. О том, что в конце 1948 г. Сталин указал на Н. Вознесенского как на своего преемника, см. в мемуарах В. М. Логинова (*Логинов В. М.* Тени Сталина: Генерал Власик и его соратники. М., 2000. С. 49). Точной датой назначения Александра Вознесенского можно считать 24 января 1948 г. — именно в этот день состоялось заседание Политбюро, на котором было принято постановление об освобождении Калашникова и назначении Вознесенского.

¹² С подробной биографией А. А. Вознесенского можно ознакомиться, например, по изд.: *Жизнь, научная и общественно-политическая деятельность А. А. Вознесенского* // *Вознесенский А. А.* Избранные экономические сочинения (1923–1941). М., 1985.

¹³ См.: *Лейбович О. Л.* В городе М: Очерки социальной повседневности российской провинции. М., 2008. С. 37–72. О. Лейбович пишет о клановых механизмах в функционировании провинциальной науки, но, судя по всему, эта система распространялась и на органы государственного управления — местные и центральные.

против, а не в пользу этой версии. Заведующий секретариатом начальника Госплана СССР В. В. Колотов вспоминал, что Николай Вознесенский, получив на согласование проект решения о назначении его брата министром просвещения РСФСР, сперва позвонил в секретариат ЦК и просил передать «лично товарищу Сталину» свое несогласие с этим назначением, а затем еще и написал поперек текста проекта: «Категорически против. Н. Вознесенский». О том же вспоминает и сын А. Вознесенского Лев¹⁴.

Славу искусного и успешного управленца А. Вознесенский снискал с 1941 по 1947 г., когда был ректором Ленинградского университета. За это время он умело организовал работу штаба по обороне университета, затем — его эвакуацию в Саратов весной 1942 г., где совмещал посты ректора ЛГУ и СГУ, а по возвращении в Ленинград руководил восстановлением старых и строительством новых университетских зданий. В университете за Вознесенским закрепилась репутация «отца студентов»¹⁵, много помогал он и профессорам¹⁶. В то же время он был известен как авторитарный, весьма честолюбивый, а подчас и грубый руководитель¹⁷.

Организаторские способности Вознесенского-старшего особенно ценил А. А. Жданов — в 1947 и первой половине 1948 г. наиболее приближенный к Сталину государственный деятель¹⁸. Не исключено, что назначением на министерский пост ректор ЛГУ был обязан именно его инициативе.

¹⁴ Колотов В. В. Николай Алексеевич Вознесенский. М., 1976. С. 318–320; Вознесенский Л. А. Истины ради. М., 2004. С. 66. Не исключено, впрочем, что и В. В. Колотов, и Л. А. Вознесенский, при ретроспективном описании коллизий конца 1940-х могли перепутать события: достоверно известно, что Н. А. Вознесенский протестовал против назначения брата на пост министра иностранных дел РСФСР. Этот сюжет упоминается в деле В. С. Абакумова. Следователь Комаров на очной ставке с Абакумовым показывал: «...в ЦК хорошо известно, что Вознесенский был очень осторожным человеком в отношении своих связей и даже был случай, когда Вознесенский, узнав о предполагаемом назначении его брата Вознесенского на должность, связанную с Министерством иностранных дел, что влекло за собой неизбежное общение с иностранцами, воспротивился этому и просил ЦК не назначать брата на эту должность, так как это может скомпрометировать Вознесенского самого» (Спецсообщение С. Д. Игнатьева И. В. Сталину с приложением протоколов допроса В. С. Абакумова и В. И. Комарова. 4 ноября 1952 г. // Лубянка. Сталин и МГБ СССР. Март 1946 — март 1953. Документы. М., 2007. С. 515–516). Искренне благодарю О. Л. Лейбовича за указание на этот источник, равно как и на саму версию об aberrациях в воспоминаниях В. В. Колотова и Л. А. Вознесенского.

¹⁵ См.: Эльяшова Л. «Папа» Вознесенский // Нева. 1998. № 10. С. 147–159.

¹⁶ См. об этом свидетельства С. Э. Фриша, В. Я. Проппа, Б. М. Эйхенбаума, которые приводит в своем документальном исследовании П. М. Дружинин: Дружинин П. М. Идеология и филология. Ленинград, 40-е годы: Документальное исследование: В 2 т. М., 2012. Т. 1. С. 430–431. В этой статье мне придется еще неоднократно ссылаться на эту работу П. М. Дружинина, в которой собран уникальный массив материалов, связанных с интересующей меня темой.

¹⁷ О. М. Фрейденберг характеризовала Вознесенского первых лет после возвращения ЛГУ из эвакуации: «Профессора трепетали его. Он каждого мог оскорбить безнаказанно» (цит. по: Дружинин. Указ. соч. Т. 1. С. 434).

¹⁸ Жданов умер 31 августа 1948 г., но еще за несколько месяцев до этого, вследствие интриг Маленкова, Берии и Хрущева, Сталин сильно охладел к своему недавнему фавориту. См. об этом, например, в кн.: Бранденбергер Д. Л. Национал-большевизм: Сталинская массовая культура и формирование русского национального самосознания (1931–1936). СПб., 2009. С. 275–290.

С момента возвращения из эвакуации и до отъезда в Москву Вознесенский успел создать в ЛГУ 4 факультета, 12 НИИ и более 40 кафедр, на первых же послевоенных выборах в Академию наук СССР сразу шестеро ученых университета стали ее действительными членами и 19 — членами-корреспондентами. Конечно, отчасти все эти достижения были следствием организационных талантов самого Вознесенского, но большинству осведомленных наблюдателей было очевидно, что, по сравнению с ректорами других советских вузов, благодаря положению, занимаемому его младшим братом, он обладал немалым преимуществом, так как мог пользоваться режимом максимального благоприятствования в финансировании и получении для ЛГУ других важнейших ресурсов. Поэтому не исключено, что столь активно настаивавшее на назначении А. Вознесенского Политбюро хотело тем самым получить и авторитарного руководителя, и более масштабное и оперативное, чем раньше, обеспечение финансовыми и материальными ресурсами учреждений средней школы¹⁹.

Наконец, третья причина назначения нового министра могла быть обусловлена близкой перспективой пересмотра программ средней школы в свете последних партийных постановлений: требовалось акцентировать доминирующую роль русской науки, культуры и языка в мировой истории, науке и культуре. Политбюро требовались здесь твердая рука и завидная «идеологическая подкованность», готовность точно следовать постоянно менявшейся «линии партии», — всем этим, безусловно, обладал Александр Вознесенский. В 1946 г., чутко уловив конъюнктуру, он провел в ЛГУ первую послевоенную сессию по славяноведению, на которую съехались ученые из разных городов СССР, а также из Югославии, Чехословакии, Болгарии и Польши. Фактически сессия стала научным обоснованием и оправданием объединения перечисленных стран в рамках так называемого соцлагеря.

В 1947 г. Вознесенский был назначен председателем оргкомитета Ленинградского отделения Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний — новой организации, целью которой ЦК партии поставил пропаганду научных и политических знаний (читай — превосходства русской и советской науки) среди населения страны. Уже в июле 1947 г. Вознесенский выступал по Ленинградскому радио с призывом бороться с «пережитками капитализма» (т. е., в данном случае, следами достижений западных науки и культуры) «в сознании людей»²⁰. А в октябре 1947-го, незадолго до переезда в Москву, он

¹⁹ По наблюдению П. М. Дружинина, хотя Вознесенский, будучи ректором ЛГУ, и не имел права прямо обращаться к брату за помощью, он твердо знал, что все просьбы, которые он направлял в Наркомпрос РСФСР, пересылаются в Госплан при СНК СССР (т. е. непосредственно брату) или в СНК РСФСР, которым руководил близкий Н. Вознесенскому А. Косыгин (см.: *Дружинин*. Указ. соч. Т. 1. С. 429).

²⁰ *Дружинин*. Указ. соч. Т. 1. С. 145. П. М. Дружинин отмечает, что перед самым выступлением цензор Ленгорлита вычеркнул из текста фрагмент, который для обстановки лета 1947 г. звучал еще, видимо, слишком откровенно: Вознесенский обещал «разоблачать происки поджигателей и организаторов новой войны; показывать лживость и ограниченность буржуазной демократии и реакционную сущность современной буржуазной идеологии; раскрывать преимущества нашего общественного и государственного строя, нашей культуры; вести решительную борьбу против низкопоклонства перед современной буржуазной культурой; показывать величие исторического дела советского народа» (Там же).

провел в ЛГУ общее собрание, посвященное «задачам идеологической работы». По воспоминаниям О. М. Фрейденберг, речь ректора продолжалась около двух часов, в ней он обрушился на профессоров университета за «низкопоклонство перед иностранщиной»²¹.

Вознесенский не обманул возложенных на него ожиданий: став министром, он проводил одно за другим совещания и конференции вузовских преподавателей и учителей, — на иные из них собиралось до 500 участников. Цель этих собраний заключалась в том, чтобы оперативно, не дожидаясь изменения учебных программ и выхода новых учебников, транслировать последние изменения «линии партии» в преподавательскую аудиторию. По словам П. М. Дружинина, на этих совещаниях «проводились специальные секционные занятия, где излагались директивные требования по программам»²².

Вступив на министерский пост, Вознесенский прямо не отменил ни одного из начинаний Калашникова, однако о сокращении учебных программ и школьной реформе стали говорить исключительно в долгосрочной перспективе. К осени 1948 г. стало понятно, что ситуация в средней школе не исправляется так быстро, как того хотели бы руководители министерства²³, и что для радикального улучшения ситуации нужно предпринять какие-то более жесткие административные меры. Именно для их обсуждения и была созвана 30 октября 1948 г. очередная Коллегия министерства.

3

На самых первых порах существования советского государства его органы управления — наркоматы — были задуманы не только как исполнительные, но и как совещательные, или, как их тогда называли, совещательно-распорядительные. Каждый наркомат должен был управляться коллегией, состоявшей из наркома, его заместителей и пяти членов. По мере того как советский режим эволюционировал к тоталитаризму, функция коллегий в управлении соответствующей отраслью становилась все более формальной, особенно в тех случаях, когда решения и меры диктовались наркоматам непосредственно из ЦК. Однако совещательная, консультативная роль некоторых из них осталась, и созданные на основе наркоматов в 1946 г. министерства сохранили эти организационные формы. Не был исключением и Народный комиссариат просвещения РСФСР.

²¹ Дружинин. Указ. соч. Т. 1. С. 558.

²² Там же. Т. 1. С. 370. Дружинин в своей книге поддерживает именно эту, третью, версию причин назначения А. Вознесенского министром и полагает, что его кандидатуру лоббировала в Политбюро А. Кузнецов и А. Жданов.

²³ Статистика показывает, что процент второгодников в 1948/1949 учебном году в целом по республике снизился по сравнению с предыдущим учебным годом с 15,9 до 12,9% (Докладная записка в Совет Министров РСФСР об успеваемости и второгодничестве в школах за 1950/1951 уч. г. // ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 72. Ед. хр. 283). Было ли это улучшение связано с активным внедрением «индивидуального подхода» или органы образования просто стали завешать отметки в ответ на требования борьбы со второгодничеством, сказать сейчас сложно. Тем не менее трехпроцентное снижение второгодничества выглядело, по мнению руководителей министерства, явно недостаточным.

Историкам государственного управления еще предстоит установить, насколько сильное влияние могли в разные периоды оказывать коллегии того или иного наркомата/министерства на принятие одних или блокировку других решений²⁴. Однако уже сейчас можно с уверенностью сказать, что работа коллегий дает очень интересную информацию о том, что предшествовало принятию тех или иных постановлений, введению тех или иных мер, о том, какие мнения по обсуждаемым вопросам существовали по крайней мере внутри руководства наркомата/министерства и лиц, привлекавшихся этими институциями к экспертизе.

Каждое заседание коллегии наркомата, а затем и министерства, стенографировалось, и машинописные стенограммы сохранялись в архивах, хотя никогда не публиковались. Стенограммы заседаний коллегии Наркомата, а затем и Министерства просвещения — очень ценные источники для историков советского образования и государственной политики. Заседания коллегий, безусловно, были публичными событиями; однако это была особая, «закрытая» публичность, и поэтому участники совещаний, по крайней мере иногда, могли проговаривать вслух то, что редко попадало в периодическую печать, на радио, а затем (в 1950—1970 гг.) и на телевидение. Иногда мы встречаем на страницах этих объемных архивных дел свидетельства о реальном положении дел в школах, техникумах, детских домах и педагогических вузах, иногда — идеи преобразований, которые так и не были осуществлены, иногда — подспудную или открытую полемику с «генеральной линией», спускавшейся в местные органы управления образованием от ЦК или Министерства.

Стенограмма заседания Коллегии от 30 октября 1948 г.²⁵ представляет собой именно такое свидетельство о запланированных, но публично не объявленных преобразованиях, а также о расхождении позиций внутри привлеченного министерством экспертного сообщества, и поэтому заслуживает специального рассмотрения. Такого рода источники особенно важны для историков потому, что до сих пор достаточно немного известно о спорах внутри элит и экспертных групп позднесталинского времени.

4

Главный вопрос, который был вынесен министром на повестку дня совещания, был связан с идеей перегрузки учащихся внеучебной работой. За указанием на эту проблему — казалось бы, второстепенную в ситуации острого кризиса средней школы — стояла определенная логика, и министр почти эксплицитно изложил ее в своей вступительной речи. Поскольку школьники крайне перегружены учебной работой, а устранить эти перегрузки по ряду причин быстро не получится, нужно постараться избавить их хотя бы от перегрузок работой внеклассной и внешкольной. Обещанный Калашниковым пересмотр программ и

²⁴ О деятельности коллегий см.: *Давитнидзе И. Л.* Коллегии министерств: правовое положение и организация работы. М., 1972.

²⁵ Здесь и далее стенограмма будет цитироваться по машинописи, хранящейся в ГАРФе, с указанием в скобках номера архивного листа: Стенограмма заседания коллегии Министерства просвещения РСФСР от 30 октября 1948 г. о перегрузке школьников общественной и другой внеучебной работой и материалы к стенограмме // ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 71. Ед. хр. 205.

переход на 11-летнее обучение рассматривались теперь как мера необходимая, но трудноосуществимая, «...большая проблема, которой мы занимались и должны заниматься в течение этого года» (Л. 3). Таким образом, участникам заседания — директорам и учителям школ — было предложено рассказать об их отношениях с общественными организациями, местными исполкомами и райкомами партии: «...нет ли излишнего, я бы сказал, дергания перегрузкой различными поручениями» (там же). Министр интересовался и тем, перегружены ли директора и классные руководители общественными поручениями, которые мешают им выполнять их прямые обязанности.

Начальник управления школ Министерства Г. Я. Арнаут, отвечая на заказ своего шефа, конечно, сразу привел множество примеров того, как общественные организации, местное и партийное руководство мешают учебному процессу: «...военкомат Ленинского района проводил смотры военно-физической подготовки учащихся в семи мужских школах Ленинского района. Часть детей была снята с урока, и дети 2 часа провели совершенно напрасно в ожидании начальства, которое должно было приехать в школу для проверки» (Л. 8). В нарушении учебного распорядка обвинялись также комитеты комсомола школ и райкомы комсомола.

Однако следующие выступления несколько сбили первоначальный пафос. Заведующий Мосгороно А. Г. Орлов заявил, что, с его точки зрения, перегружены внеклассной и внешкольной работой не более 15–20% учащихся (Л. 17), а один из самых авторитетных московских директоров школ И. К. Новиков, заведовавший знаменитой еще с 1920-х гг. 110-й школой, уточнил, что речь идет только о перегрузке так называемого актива, а он составляет гораздо менее 15% учеников и включает в основном отличников и хорошистов (Л. 20). Новиков довольно решительно спорит с вынесенным на коллегии проектом постановления о перегрузках внеучебной работой и настойчиво возвращает собрание к вопросу о перегрузках работой учебной: «Учащиеся 10 класса должны готовиться к экзамену по истории по пяти толстым учебникам. <...> Не нужно пяти книг по истории. Можно учащихся в 9 классе проверить, знают ли они историю. А ведь эти пять учебников так сказываются на нагрузке учащихся! А учебник по географии? Он слишком многостраничен. <...> Регламентация должна быть, перегрузка имеется и необходимо вмешательство Министерства просвещения в первую очередь по линии учебной и во вторую очередь по линии общественной» (Л. 25–27).

Новикова поддержала директор 471-й московской женской школы Рябова: «...Частично учащийся перегружен общественной работой, а вообще он загружен учебными занятиями. <...> Вызываешь ученицу и спрашиваешь: почему получила двойку? Она говорит: “Я не успела выучить урок”. Вызываю родителей, родители говорят: “Она у меня совершенно не ходит гулять, она почти не бывает в кино, не посещает театра и совершенно не знает, что существуют музеи в Москве, у нее не хватает времени выучить уроки”» (Л. 28).

Одно из самых возмущенных и эмоционально насыщенных выступлений на коллегии сделала старшая пионервожатая 446-й женской школы Зоя Гордеева. Основным объектом ее критики стала перегрузка учебной программы: «У нас 5 учебников [по истории], и не знаешь, по какому тебя спрашивать бу-

дут. В учебниках-то этих запутаешься (*в зале смех*). И когда читаешь 5 учебников, то дочитаешься до того, что физическая тошнота появляется. А учителя говорят: «Так вы же учили!» Конечно, учили, но за 3 года накопилось столько восстаний и войн... (*в зале смех*), что невозможно запомнить. Не только года, но и века все перепутаются. <...> Как мешает перегруженность в программе культурному росту! Вот у меня подруга, она окончила среднее учебное заведение на тройки и четверки, но зато она прочитала массу книг по внеклассному чтению, она хорошо разбирается в театре, может поговорить о нем, посмотрела много новинок и по развитию она не уступает ни одной отличнице, а наоборот. Я лучше знаю математику, физику, химию, но она прекрасно может разбираться, глубже разбираться в Шекспире. Она читает Гёте и наслаждается этим чтением именно потому, что легкомысленно смотрит на математику, физику и химию» (Л. 58–59).

До поры до времени кажется, что инициатива регламентации внеклассной работы не находит поддержки у директорского и учительского корпуса — как будто бы никто из его представителей не готов принять всерьез предлагаемую министром agenda. Однако вскоре слово берет Е. А. Чернышева, директор той же самой 446-й московской школы, откуда на коллегия пришла категоричная пионервожатая З. Гордеева. Текст ее выступления, записанный стенографистами, по-видимому слово в слово, историку советского общества 1930–1950-х гг. покажется, скорее всего, или слишком экстравагантным, или слишком смелым.

Признавшись в толерантном отношении к пропускам учениками массовых мероприятий («...если у меня девочка набирается храбрости и бежит, я ее не возвращаю — пусть подышит свежим воздухом...» (Л. 73)), Чернышева начинает публично каяться в нарушении всех установленных регламентов пионерской и комсомольской работы: «Я должна сказать, что *я великая грешница* — я так провожу прием в пионеры: 25 чел. принимают пионеров 5 класса, 30 чел. — 6 класса, еще 25 чел. — 7 класса. А по закону должны все принимать, вся дружина должна стоять и принимать всех. Я должна стоять и принимать всех, пусть вы даже сегодня принимаете 100 человек. Ряд лет я делаю такое нарушение и думаю, что сегодня *я должна публично принести Министерству покаяние*» (Л. 74–75; здесь и далее курсив в цитатах мой. — М. М.).

На это признание министр реагирует неожиданно спокойно и даже благосклонно: «Директору школы нужно вынести порицание за нарушение и благодарность за правильную инициативу» (Л. 75).

Чернышева продолжает: «Теперь я хочу сказать о комсомоле, нашем прекрасном соратнике по воспитанию молодежи. <...> Каждый год у меня уходит 85 человек из выпускных классов. <...> Сколько нам нужно потратить времени, чтобы принять 85 чел.? Скажите, пожалуйста, если мы будем принимать формально, казенно, мы в 5 мин. человека — хлоп! — член комсомола.... Если мы должны, а я вижу, как девушки волнуются, как переживают момент приема, значит, с ними нужно поговорить на комитете и на собрании комсомола. Года три тому назад у меня от мыслей болела голова, как мне улучшить комсомольские собрания, как сделать, чтобы они не были однообразными, надоедливymi для членов комсомола — *и тоже согрешила*. Мы принимаем в комсомол на наших

М. Л. Майофис. «Решающий рецепт»: проект автономизации школьной системы в позднесталинском СССР комсомольских параллельных собраниях, Устав нарушаем. *Все меня ругают, но никто не отменяет* (Л. 76).

Закончив свое покаяние, Чернышева — первая из всех ораторов — прямо отвечает на вопрос министра об отношениях школы с общественными организациями, ратует за официальный запрет на проведение ими мероприятий со школьниками — и выносит весьма резкую оценку: «Ведь все руководители МОПРа, РОККа, ОСО — это паразиты на теле школы» (Л. 77)²⁶.

Речи в жанре публичного покаяния были весьма распространены именно в эти годы, когда по всей стране, особенно в учреждениях науки и культуры, активно велась кампания по борьбе с космополитизмом. Для этой кампании был разработан даже специальный ритуал, регламентировавший проведение публичных мероприятий, на которых трудовые коллективы должны были обсуждать и жестко критиковать деятельность своих сотрудников. Этот ритуал был назван И. Сталиным и А. Ждановым «судом чести» и формализован в Постановлении ЦК ВКП(б) от 28 марта 1947 г.²⁷ в связи с делом биолога Г. И. Роскина и медика Н. Г. Ключевой, передавших через академика-секретаря АМН В. Парина американским ученым рукопись о разработке биологического препарата против рака²⁸.

Генеалогия этой организационной формы восходит к офицерским судам чести, существовавшим в имперской армии, а те, в свою очередь, были позаимствованы из прусской практики. Суды чести были организованы сперва в министерствах и центральных ведомствах, а затем, в сентябре 1947 г., и в самом ЦК²⁹. Ритуал суда чести предполагал выступление обвиняемого, в котором тот должен был принести публичное покаяние за свои «ошибки» или «преступления».

По тому же сценарию строились и собрания трудовых коллективов научных и образовательных институций — формально они не назывались судами чести и не имели официально утвержденного состава суда, но фактически предполагали схожие процедуры «обвинения» и «покаяния».

Однако ни один из произносивших «покаянные» речи не делал это добровольно — покаяние делалось в ответ на жесткую критику и должно было, хотя бы в небольшой степени, смягчить вину выступавшего за допущенные им ранее ошибки. В этой ситуации кающийся, при всей ритуальности совершаемого им действия, должен был выглядеть максимально искренним — в противном случае его ожидало обвинение в «формальном» покаянии или недостаточной самокритике». Важно было также сказать о том, что свою неправоту он увидел раньше, чем ему на это указали внешние наблюдатели. Так, известный литературовед П. Н. Берков выступал на одной из «проработок» 1949 г.: «...мы часто недооцениваем то, что каждый наш поступок, каждая наша ошибка ученого и педагога

²⁶ МОПР — Международная организация помощи борцам революции; РОКК — Российское общество Красного Креста; ОСО (ОСОАВИАХИМ) — Общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству.

²⁷ Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) о Судах чести в министерствах СССР и центральных ведомствах от 28 марта 1947 г.

²⁸ О деле Ключевой-Роскина и о разработанном для него ритуале «суда чести» см. монографию: *Есаков В. Д., Левина Е. С.* Дело КР. Суды чести в идеологии и практике послевоенного сталинизма. М., 2001, особ. С. 130–133, 302–320.

²⁹ См.: *Сойма В. М.* Запрещенный Сталин. М., 2005. С. 432.

имеет и объективное значение, существуя вне меня, все это не зависит от меня и живет особой жизнью. Если я даже и имел хорошие намерения, то эти хорошие намерения могут иногда иметь совершенно иной смысл. <...> Я считаю, что моя диссертация представляет результат буржуазного космополитизма, буржуазного влияния и, таким образом, объективно является вредной работой, несмотря на все мои самые искренние лучшие желания...»³⁰

Однако в речи Чернышевой мы явно имеем дело с покаянием другого рода — его можно охарактеризовать как ироническое, легитимирующее этой модальностью в пространстве публичного ритуала практики, которые считаются незаконными или, во всяком случае, компрометирующими. Если пристальнее взглянуть в признания московской директрисы, можно увидеть, что ее выступление детально обыгрывает ритуал «настоящего» покаяния, но имеет целью не самозащиту или самооправдание, а указание на фундаментальные недостатки в регламенте пионерской и комсомольской организации, которые, рискуя выговором, местом работы, а, возможно, и свободой, приходится обходить. Очевидно, что, принося коллегии свое покаяние, Чернышева была уверена в том, что не понесет за свои «ошибки» никакого наказания, но повлияет на их распространение в качестве одобряемых мер реформы.

Так и произошло. Екатерина Алексеевна Чернышева проработала директором 446 московской школы вплоть до начала 1960-х гг. и, несмотря на то что ее признания о нарушении уставов для 1948 г. звучали угрожающе, не понесла за это никакого наказания. На собрании любого другого ведомства страны в этот момент «покаяние» Чернышевой выглядело бы просто безумным саморазоблачением, — но не на коллегии Министерства просвещения под руководством Вознесенского. Заявления Чернышевой звучали точно в унисон собственным настроениям и планам министра.

5

Опираясь на собственный опыт руководства ЛГУ, Вознесенский считал главной проблемой средней школы то, что в рамках сложившейся системы отношений между партийными (комсомольскими) структурами, органами государственной власти и образовательными учреждениями директора школ не владеют ситуацией на местах, а значит, и не могут нести за нее полной ответственности. Он полагал, что собственной политической волей и при поддержке ЦК, а также республиканского и общесоюзного советов министров сможет добиться изменения этой ситуации и главное — изменить сознание и самоощущение представителей директорского корпуса. По мнению Вознесенского, директора не должны были более давать возможностей и поводов для внешних интервенций в школьные дела, и был готов к тому, чтобы, пользуясь своими связями и «мандатом доверия» от Политбюро, приструнить комсомольских, партийных и местных руководителей для преодоления катастрофической неуспеваемости в школах.

³⁰ См.: Дружинин. Указ. соч. Т. 2. С. 378. О самобичевании как общепринятой практике сталинского времени см. работу О. Хархордина: Хархордин О. Обличать и лицемерить: генеалогия российской личности. СПб., 2002.

В рамках этой концепции важны были не «перегрузки общественной работой» как таковые, а жесткий запрет на вмешательство в школьные дела *любых* посторонних инстанций, в том числе и идеологических. В речи, завершавшей заседание коллегии, Вознесенский открыто изложил свою программу: «Для того чтобы устранить ненормальности с перегрузкой учащихся общественной работой, для этого решающим рецептом, с моей точки зрения, должно быть: директор школы *должен чувствовать себя настоящим хозяином школы*, и быть хозяином школы. Вот это основной рецепт, и тогда директор школы, давая себе отчет в элементарных требованиях воспитательного педагогического порядка, действительно будет регламентировать все эти начинания, мероприятия, исходя из конкретных возможностей, из конкретных условий данной школы» (Л. 97).

Именно поэтому для Вознесенского равный интерес представляли и директор элитной 110-й школы И. К. Новиков, и директриса построенной посреди сугубо рабочего квартала 446-й школы³¹ Е. А. Чернышева. Хотя в отношении перегрузок общественной работой эти участники заседания коллегии заняли прямо противоположные позиции, оба директора были настоящими хозяевами в своих школах и могли вполне авторитарно, пусть и вопреки инструкциям, решать, что в их школе делать можно, а чего категорически нельзя.

Генезис такого подхода к управлению прослеживается очень четко. О. Л. Лейбович убедительно показал, как областные руководители и директора заводов, получившие в годы войны самостоятельность (фактически — право контроля над ресурсами и нарушения многочисленных инструкций, препятствовавших эффективной работе) в обмен на своевременные поставки на фронт оружия, боеприпасов и продовольствия, — не только не были готовы отказаться в конце 1940-х — начале 1950-х от полученных в критической ситуации привилегий, но пытались закрепить свой военный опыт как прецедентный и легитимный и даже иногда стремились распространить его на те сферы, которые еще не были охвачены этим новым типом отношений с Центром³².

Подобная закономерность подтверждается не только на уровне областных руководителей и директоров предприятий. А. А. Вознесенский, ставший в июле 1941 г. ректором ЛГУ и управлявший им в периоды блокады, эвакуации и послевоенного восстановления, был еще больше, чем региональные руководители, привычен к свободному распределению ресурсов и возможностям обходить официальные регламентации. Он привык быть и полновластным хозяином и авторитарным «отцом» для своих подчиненных — шла ли речь об университетских профессорах и студентах, или о чиновниках министерства, перешедших в январе 1948 г. под его начало. Поэтому его решение распространить такой подход к управлению и на школьную систему республики не удивляет. Однако дальнейшие события показали, что, приступив к реализации своего проекта автономизации школы, министр слишком легкомысленно отнесся к тем внешним силам, активность которых он хотел умерить и подчинить задачам улучшения успевае-

³¹ Школа № 446 находится неподалеку от ст. м. Электrozаводская. В этом районе были сосредоточены Московский электроламповый завод, Казанская железная дорога и несколько других промышленных предприятий.

³² См.: Лейбович. Указ. соч. С. 10, 114–178.

мости. Об этом свидетельствует и судьба подготовленного по результатам заседания Проекта постановления коллегии, и судьба самого А. Вознесенского.

Основную регламентацию Постановление вносило в сферу внеклассной и внешкольной занятости учеников: им было запрещено участвовать более чем в одном художественном (или научном) и одном спортивном кружке, количество и продолжительность отрядных и общешкольных сборов было также ограничено, устанавливалось и максимальное количество часов, которые школьник может тратить на общественную работу. Однако первоначальный проект постановления, как он был подготовлен по результатам заседания коллегии в ноябре 1948 г., включал в себя несколько пунктов, которые не вошли в окончательную редакцию, и эти разночтения четко указывают нам на то, каковы были амбиции и намерения министра. Во-первых, в первой редакции открыто говорилось о бесконтрольной и вредной для учебного процесса деятельности общественных организаций в школе: «Различные добровольные общества и общественные организации, которые ведут работу среди учащихся (ДОСАВ, ДОСАРМ, ДОСФЛОТ, Комитеты по делам физической культуры и спорта, РОКК и др.), часто проводят свои мероприятия без согласования с администрацией школы, дают непосильные задания, без учета их воспитательной ценности и значимости для учащихся, и тем самым создают большую и ненужную перегрузку школьников неучебной работой»³³. В резолютивной части этот текст завершался ходатайством к ЦК ВЛКСМ «запретить райкомам и горкомам ВЛКСМ вызывать во время учебных занятий комсомольцев-школьников на различные собрания, совещания, а также для выполнения общественных поручений и не давать внеплановых заданий, нарушающих нормальный ход школьной работы и перегружающих учащихся...»³⁴.

Из окончательной редакции постановления, принятой уже в декабре, оба этих пункта были исключены. Вместо них декларировался приоритет не «школьной работы», а, напротив, — нужд самого комсомола: «...Комсомольские собрания и пионерские сборы в школах должны проводиться в соответствии с указаниями ЦК ВЛКСМ...» — а директоров и классных руководителей обязывали «уделять внимание школьным комсомольским и пионерским организациям, помогая им правильно организовать и проводить работу среди учащихся...» (Там же, л. 112–112 об.)

Трудно сказать, кем именно была отредактирована первоначальная версия постановления, однако несомненно, что здесь не обошлось без вмешательства партийных и комсомольских органов. Первый секретарь ЦК ВЛКСМ Н. А. Михайлов и заведующая отделом школ ЦК Л. В. Дубровина быстро почувствовали, что министр пытается ограничить влияние этих структур на работу школ, и

³³ Приказ Министра просвещения РСФСР № 39 от 13 января 1949 г. о мерах по устранению перегрузки школьников общественной и другой работой // Стенограмма заседания коллегии Министерства просвещения РСФСР от 30 октября 1948 г. о перегрузке школьников общественной и другой неучебной работой и материалы к стенограмме. ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 71. Ед. хр. 205. Л. 114–116. ДОСАВ — добровольное общество содействия авиации, ДОСАРМ — содействия армии, ДОСФЛОТ — содействия флоту. Все три организации были созданы в 1948 г. в результате административного разделения Осоавиахима, а в 1951 г. вновь объединены, но уже в ДОСААФ.

³⁴ Там же. Л. 114.

начали кампанию против Вознесенского, благо политическая ситуация весны 1949 г. весьма этому благоприятствовала.

В связи с начавшимся «ленинградским делом» сгустились тучи над головой председателя Госплана Н. Вознесенского — в марте 1949 г. он был снят со всех постов и выведен из состава Политбюро. Его брат явно был назначен следующей жертвой. Масла в огонь подлила публикация журнала «Огонек»: в марте 1949 г., накануне проведения съезда ВЛКСМ, министр дал интервью, в котором, в частности, рассказал о задачах школьного комсомола³⁵. Интервью содержало две крамольные, с точки зрения партийных и комсомольских кураторов, фразы. Сначала Вознесенский сформулировал желаемую, с его точки зрения, аксиологию советского школьника-комсомольца: «Если ты учишься ниже своих возможностей, — ты не настоящий советский патриот, — так обязана ставить вопрос комсомольская организация в школе...» — а к этому добавил: «Мы по справедливости рассматриваем комсомольскую организацию в школе как ближайшего помощника директора, учителя, классного руководителя...»

Л. В. Дубровина и поддержавший ее зав. отделом пропаганды и агитации ЦК Д. Т. Шепилов не замедлили отреагировать на это интервью и отправили на имя секретаря ЦК Г. М. Маленкова (главного недоброжелателя братьев Вознесенских) записку, в которой подвергли жесткой критике это высказывание Вознесенского, а заодно и все его интервью: «Такая постановка вопроса является и педагогически, и политически ошибочной и вредной. Она неизбежно породит в школах большую путаницу, создаст превратное представление о том, что многие учащиеся нашей школы лишены чувства советского патриотизма, так как они успевают “ниже своих возможностей”. Причем как комсомольская организация должна определять “возможности” учащихся, чтобы решать вопрос об их патриотизме, министр, разумеется, не указывает...»³⁶

Но это была только прелюдия к драме, которая в полную силу разыгралась летом, когда сбор «компромата» вошел в решающую фазу. Вознесенского решили снять с поста министра просвещения — это и было сделано постановлением Политбюро от 12 июля 1949 г. Поскольку даже после специального разговора в ЦК никаких ошибок за собой он признавать не хотел, была назначена специальная правительственная комиссия, на которой А. Вознесенского подвергли «показательной порке», вменив ему в вину грубость, неправильные методы руководства и крамольное интервью «Огоньку». Не удовлетворившись этим мероприятием, ЦК назначил на 5 августа заседание актива министерства просвещения. В этот момент была уже арестована сестра Вознесенских, Мария, и большинству коллег Вознесенского-старшего было понятно, что дело уже решено. Однако и в этом случае А. Вознесенский весьма сдержанно высказывался о своих ошибках³⁷.

Главными ораторами на заседаниях комиссии и актива стали все те же Н. Михайлов и Л. Дубровина. По воспоминаниям сына А. Вознесенского, Льва, «[Дубровина] заведовала отделом школ в аппарате ЦК и пыталась командовать работой министерства, а отец не любил чьего-либо непрошеного вмешательства

³⁵ Огонек. 1949. № 13.

³⁶ Цит. по: *Дружинин*. Указ. соч. Т. 2. С. 475.

³⁷ Там же. С. 479–482.

в свои прерогативы. [Михайлов] был первым секретарем ЦК ВЛКСМ и тоже стремился постоянно ввязываться в вопросы, входившие в круг обязанностей прежде всего Министерства просвещения. Разумеется, отец должен был считаться с этими организациями, но садиться себе на голову никому не позволял. Именно этим людям Маленков и поручил провести... расширенное заседание коллегии»³⁸.

Еще через несколько недель, 19 августа 1949 г., А. Вознесенский, отправившийся после отставки в отпуск в Сочи, был арестован и доставлен в Москву. Министерское кресло занял Президент Академии педагогических наук И. А. Каиров, а его заместительницей стала так много сделавшая для дискредитации А. Вознесенского Л. В. Дубровина. Судя по количеству стенограмм заседаний коллегий конца 1949–1953 гг., на которых она выступала в функции председательствующей, ее полномочия были намного шире заместительских. Однако идее автономизации школы было суждено пережить последние мрачные годы сталинского правления. Она вновь дала о себе знать во второй половине 1950-х гг., когда на повестке дня оказался вопрос о создании школ-интернатов с собственным подсобным хозяйством и/или производством, а также школ, напрямую связанных с промышленными предприятиями. Здесь без директора-хозяина было уже не обойтись.

Ключевые слова: история сталинизма, автономия, история школьного образования, жанры советской публичности, А. А. Вознесенский, Н. А. Вознесенский, А. Г. Калашников, И. К. Новиков, Е. А. Чернышева, «Ленинградское дело», борьба с космополитизмом, борьба с «перегрузками», коллегии Министерства просвещения, источники по истории образования, источниковедческий анализ.

**A DECISIVE RECIPE:
AN ATTEMPT TO ESTABLISH SCHOOL AUTONOMY
IN LATE STALINIST RUSSIA**

M. L. MAIOFIS

The main purpose of this paper is to demonstrate that special place the secondary school held in the Soviet social and educational politics of the late 1940s, as well as to introduce a very interesting and rather underinvestigated type of primary source, the so-called verbatim shorthand records of the Boards of the Soviet People's Commissariat and Ministry of Public Education. These sources help to reconstruct the history of decision-making and the struggle of the elites within the Soviet administrative machine.

³⁸ *Вознесенский Л. А.* Указ. соч. С. 66–67.

The paper explores the premises and contradictions of the Soviet school politics in the 1948–1949 when Alexander Voznesensky, an administrator and an academic economist, became the Minister of Public Education. Voznesensky undertook an attempt (that was uncharacteristic for the Stalinist period) to minimize the influence of the political and social organizations onto the school life.

While trying to implement this idea, he obviously expected to find a social basis for his project in the directors' corps, as the school directors had enjoyed considerable independence during the WWII. One of the regulatory instruments that was supposed to launch a new trend in the school politics was a "Resolution on the school students being overburdened with social and other extra-curricular activities." In order to discuss the draft of this Resolution a special conference of the ministerial board was convened. However, the directors' corps was not ready to support Voznesensky in its entirety. Some directors happened to think that overcoming the acute crisis within the secondary education system would only become possible after a cardinal revision of the school curriculum was performed and an 11-year term of school training was introduced, and that just by cutting down social activities one could not hope to achieve the desired result. At the same time, there were several directors who immediately caught up on his idea. Thus, a director of the Moscow school № 446 Ekaterina Chernysheva performed a real "public confession" and admitted that she had been systematically violating the Charters of both the Komsomol and Pioneer organizations to lighten the unsustainable burden of social activities her students had been suffering under. This "confession" did not have any consequences, as Chernysheva demonstrated the very model that Voznesensky considered to be the only acceptable one under the existing conditions.

All in all, Voznesensky's policy can be interpreted as an attempt to make the Soviet school autonomous from the other Soviet institutions. This attempt was blocked by the Komsomol and party officials, but the traces of the attendant discussion were preserved in the verbatim shorthand records of the Board meetings.

The author bases her research on the previously unpublished materials as well as on the recent studies by the Russian and foreign historians that provide a new context for the history of the Soviet school policy. The data presented here can be used both in the academic research and as part of the university courses on the history of education.

Keywords: history of Stalinism, autonomy, history of secondary school education, genres of Soviet publicity, A. A. Voznesensky, A. G. Kalashnikov, I. K. Novikov, E. A. Chernysheva, "Leningrad affair", struggle with cosmopolitanism, struggle with "overcharges", boards of the Ministry of Public Education, sources for the history of education, source-study analysis.

Список источников и литературы

1. *Fürst J.* Between Salvation and Liquidation: Homeless and Vagrant Children and the Reconstruction of Soviet Society // *The Slavonic and East European Review*. Vol. 86. No. 2: The Relaunch of the Soviet Project, 1945–1964 (Apr. 2008).
2. *Livshiz Ann.* Pre-Revolutionary in Form, Soviet in Content? Wartime Educational Reforms and the Postwar Quest for Normality // *History of Education*. No. 4–5. July-September 2006. P. 553.

3. *Бранденбергер Д. Л.* Национал-большевизм: Сталинская массовая культура и формирование русского национального самосознания (1931–1936). СПб., 2009.
4. *Василевский А.* Дело всей жизни. М., 1975.
5. *Вознесенский Л. А.* Истины ради. М., 2004.
6. *Давитнидзе И. Л.* Коллегии министерств: правовое положение и организация работы. М., 1972.
7. Докладная записка в Совет Министров РСФСР об успеваемости и второгодничестве в школах за 1950/1951 уч. г. // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 2306. Оп. 72. Ед. хр. 283.
8. Докладные записки Министра Просвещения РСФСР в ЦК ВКП(б) и Совет Министров РСФСР об укреплении и расширении среднего образования и введении одиннадцатилетнего срока обучения в средней школе // ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 70. Т. 1. Ч. 3. Ед. хр. 3241. Л. 12–23.
9. *Дружинин П. М.* Идеология и филология. Ленинград, 40-е годы: Документальное исследование: В 2 т. М., 2012.
10. *Есаков В. Д., Левина Е. С.* Дело КР. Суды чести в идеологии и практике послевоенного сталинизма. М., 2001.
11. Жизнь, научная и общественно-политическая деятельность А. А. Вознесенского // *Вознесенский А. А.* Избранные экономические сочинения (1923–1941). М., 1985.
12. *Зимин П. В.* Об отмене в школе социалистического соревнования по вопросам учебной работы // Советская педагогика. 1944. № 7. С. 40–46.
13. *Калашников А. Г.*, министр просвещения. Средняя школа в новой пятилетке // Комсомольская правда. 1946. 8 мая. № 108. С. 3.
14. *Колотов В. В.* Николай Алексеевич Вознесенский. М., 1976.
15. *Лейбович О. Л.* В городе М: Очерки социальной повседневности российской провинции. М., 2008.
16. *Логинов В. М.* Тени Сталина: Генерал Власик и его соратники. М., 2000.
17. *Майофис М. Л.* Предвестия «оттепели» в советской школьной политике позднесталинского времени // Острова утопии: послевоенная школа, педагогические эксперименты и образовательная политика / И. Кукулин, М. Майофис, П. Сафронов, ред. М., 2014 (в печати).
18. *Потемкин В. П.* [нарком просвещения РСФСР] Об улучшении качества обучения и воспитания в школе (доклад на Всероссийском совещании по народному образованию (15–19 августа 1944 г.)) // Советская педагогика. 1944. № 11–12.
19. Приказ Министра просвещения РСФСР № 39 от 13 января 1949 г. о мерах по устранению перегрузки школьников общественной и другой работой // Стенограмма заседания коллегии Министерства просвещения РСФСР от 30 октября 1948 г. о перегрузке школьников общественной и другой неучебной работой и материалы к стенограмме. ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 71. Ед. хр. 205. Л. 114–116.
20. *Симонов К.* Глазами человека моего поколения: Размышления о И. В. Сталине. М., 1989.
21. *Сойма В. М.* Запрещенный Сталин. М., 2005.
22. Стенограмма заседания коллегии Министерства просвещения РСФСР от 30 октября 1948 г. о перегрузке школьников общественной и другой неучебной работой и материалы к стенограмме // ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 71. Ед. хр. 205.
23. *Хархордин О.* Обличать и лицемерить: генеалогия российской личности. СПб., 2002.
24. *Эльшиова Л.* «Папа» Вознесенский // Нева. 1998. № 10. С. 147–159.